

Екатерина Соловьева

Чужний город

Екатерина Соловьёва

Нижний город

<https://litres.ru/74368692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Журналист Люба Назарченко не помнит своего прошлого. Таинственный Город подарил ей новую жизнь и секретную работу, но счастья она не приносит. Однажды в её редакции объявляется следователь Стрельцов, которого интересует Город, в который может провести его только Люба. Вместе они идут в Город по следу пропавшего брата Стрельцова. Оба они многое скрывают и оба ищут правду. А ещё они были знакомы когда-то в прошлом. Этот поход станет серьёзным испытанием для них, ведь Нижний город – опасное место, где все тайны выходят наружу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нижний город

Глава 1

Люба Назарченко работала в редакции таргульской газеты над статьёй про последствия коронавируса. Склонившись над клавиатурой, она выбивала текст и отбрасывала тёмно-русую прядь, которая, выпав из причёски, то и дело спадала на высокий лоб. Среди тёмных волос мелькала седина и Люба в который раз поклялась покраситься: седина в тридцать семь – это, как минимум, стрёмно.

Она погрузилась в текст с головой. Среди прочих последствий особенно интересовали провалы в памяти. У людей из статьи они были кратковременными, Люба же не помнила себя со своих шестнадцати лет. Воспоминания начинались с темноты ночи и холода мокрой одежды на берегу моря. Шум волн и три голоса. Они говорили, что теперь она другая, у неё новая жизнь. А о старой жизни, полной ужаса, нужно забыть. И ни в коем случае не входить больше в эту воду, иначе случится страшное. Чья-то рука вела её прочь от моря через ржавую дверь, а потом обожгла чем-то предплечье, оставив круглый след. Печать. Напоминание о том, что новая жизнь дана не просто так, а в обмен на кое-какие услуги.

За пятнадцать лет Люба стала журналистом Любовью На-

зарченко. Воспоминания о той ночи у моря поблекли, как сон, забылись. Но печать на руке осталась, и Люба иногда стояла на том самом берегу, глядя в чёрные волны, пытаясь понять, что же она оставила в них. Она прекрасно помнила напутствие, что прошлую жизнь вспоминать опасно. Жила одна, на работе тоже держала дистанцию и терпеть не могла, когда кто-то её касался – неважно, нарочно или случайно. Поначалу воскресить прошлое боялась, а потом всё же попыталась. Обратилась к науке.

Многие врачи, к кому она обращалась (а специалистов она обошла немало), заключили: «амнезия, вероятно, от черепно-мозговой травмы, перенесённой не менее двадцати лет назад». Говоря человеческим языком, в шестнадцать лет кто-то дал ей по башке так, что Люба забыла имя-фамилию, маму-папу и собственную личность. Другие же доктора кивали на редкий вид беспамятства: стёрт был конкретный период жизни, а значит, нервная система воздвигла защитный барьер от другой, душевной травмы. И сколько Люба ни пробовала гипнозов, добиться толком ничего не вышло. В памяти возникали лишь шум волн, холод воды и чувство чудовищного опустошения во тьме вечной ночи. Она смирилась. Но с любопытством изучала каждый случай амнезии, сравнивая со своим. Думала о том, сколько ещё людей зашли когда-то в ту воду, чтобы стереть воспоминания. Собирала материалы, писала статьи и очерки. Жила своей жизнью, отдавая долги за неё и за квартиру в ипотеку.

Статья была почти готова, когда Любу по селектору вызвал начальник. С досадой она оторвалась (её накрыло вдохновение и она почти закончила отличный финал), и вошла в его кабинет. Кроме шефа там почему-то сидел незнакомый мужик в форме. Но форму Люба опознать не могла. Не полиция, не Росгвардия, не МЧС. Какая-то фиолетовая фуражка и мундир под длинным плащом. Таможенник он, что ли?

– Вот, Любовь, знакомься, – подобострастно улыбаясь, шеф протянул руку в его сторону. – К тебе товарищ из органов... М-м-м...

«Вот взялся на мою голову, пёс в погонах...»

Товарищ с волчьим взглядом протянул руку:

– Следователь по особо важным. Стрельцов.

Она молча её пожала, машинально вспоминая, где неправильно перешла дорогу и все ли налоги уплачены. Глаза его, серые, близко посаженные, почему-то казались знакомыми. Это напрягало, сбивало дыхание.

Наконец Стрельцов отпустил руку и скомандовал:

– Пойдёмте, введу вас в курс дела. Есть у вас тут нормальное кафе?

Нормальное таргульское кафе «Минутка» находилось за углом. В этот дообеденный час оно пустовало и они заняли столик у окна. Люба заказала кофе и салат, а «товарищ из органов» – омлет и гуляш.

Можно сказать, они успели вовремя: за окном мощно полил дождь. Оно и неудивительно в сентябре. Но этой осенью

складывалось ощущение, будто над городом опрокинули какое-то бесконечное ведро воды.

После ремонта в прошлом году «Минутка» стала пафосной и холодной: чёрные колонны, тяжёлые золотые портьеры. Любе нравилось, как было раньше: по-весеннему жёлто-зелёные тона у штор, коричневые, под дерево, панели на стенах, лампы-фонари.

– Так, Любовь, – деловито начал Стрельцов, – пока заказ готовят, не будем терять времени. Меня ни для кого в Таргуле нет. Если спросят, официально я историк-краевед, а вы мой консультант.

Люба кивнула на его форму и усмехнулась:

– Из каких войск? Из краеведческих?

Он улыбнулся и сразу стал похож на человека:

– Учту. С дороги не успел переодеться. Но согласитесь, форма внушает доверие. Ваш начальник не сразу документы мои попросил. А вы вот даже ещё не спросили, зачем я пожаловал.

– И зачем же?

– Государству нужна ваша помощь. И консультация.

Люба хмыкнула, с профессиональным любопытством разглядывая его полуседую шевелюру и цепкий взгляд серых глаз.

«Сколько ж тебе лет, следовательно? Сорок? Пятьдесят?»

Негромко кашлянула:

– Бесплатно не работаю. И не консультирую.

Стрельцов наклонил голову, хитро прищурился:

– Что ж вы, Любовь Андреевна, государству бесплатно помочь не желаете? От всей души?

– Государство за меня ипотеку не платит. Так что у меня времени на благотворительность нет, – она демонстративно посмотрела на часы. – Это всё?

Следователь хмыкнул. Пошарился в недрах плаща и выложил на стол пачку купюр. Люба недоверчиво взяла и перелистала.

«Офигеть! Хотя бы не фальшивые! Надо в бухгалтерии проверить. Очень вовремя, а то в кошельке одна пятисотка осталась. А этого хватит, чтобы ипотеку досрочно закрыть!»

Стрельцов поднял бровь:

– Этого достаточно?

Люба открыла и закрыла рот. «Жаба» внутри душила и орала: «Нет! Скажи, нет, дура!»

А следователь добил:

– Вторая половина в банковской ячейке. Отдам, как вернётся.

Люба вздохнула и как-то привычно напряглась:

– Откуда вернётся? Что конкретно вам надо?

– Помните вашу статью про Нижний город? Я её с бо-оль-шим интересом прочитал. И оценил.

Люба закатила глаза и поморщилась.

«Ну вот опять... Только не это...»

Кто ей только не вспоминал эту чёртову статью. Сразу по-

сле её публикации пару лет назад градом посыпались звонки в редакцию, в пабликах поднялась вонь до небес: «какой фигнёй занимается наша городская газета! Вместо того, чтобы кричать о проблемах жкх, впаривают нам какие-то расследования о тайном городе, которого и в природе-то нет!» Статью удалили отовсюду, откуда только можно. О том, как унизительно звучали опровержения в следующем выпуске и в соцсетях, смысла даже вспоминать нет. Но и этого было мало. Только ленивый таргулец не подшутил над ней после этой статьи на работе.

«Назарченко, ты про рептилоидов сегодня писать будешь?»

«Назарченко, а про инопланетян?»

Хотела бы её не писать никогда, да только долг платежом красен. А долги надо отдавать. Надеялась, что посмеются да забудут, а получила себе приключений на пятую точку. И ещё репутацию городской дурочки докучи. Но были от статьи и другие результаты, те, ради которых она и писалась. И вряд ли мужик в погонах из их числа. Но всё надо проверять.

– Тоже постебаться желаете? – ядовито спросила Люба.
– Сразу предупреждаю: шутки про рептилоидов и марсиан были, давайте другие. Однообразия не терплю.

– Любовь... – в голосе Стрельцова зазвенел металл, и это слегка притушило злость.

– Я там была, понятно? – огрызнулась она. – А теперь можете запускать вашу фабрику юмора! Петросяньте до упаду.

Стрельцов замер, с интересом разглядывая Любу. Коротко кивнул:

– Проведёте меня туда?

– Ваш заказ, – официантка Светлана поставила тарелки с ароматным гуляшем и омлетом, разложила вилки, завернутые в салфетки. – Если что-то нужно, вот кнопка вызова, на краю стола.

Она призывно улыбнулась этому столичному хлыщу и всё время оглядывалась, пока шла обратно к барной стойке. Оно и понятно: одна тянет троих, муж бросил, алименты не платит.

– Так что? – с нетерпением переспросил Стрельцов и подцепил вилкой кусок мяса. – Проведёте?

Люба молчала, ковыряясь в салате. Аппетит пропал. Она непроизвольно натянула рукав блузки, закрывая предплечье. Машинально спросила:

– Зачем вам туда?

– Тайна следствия, – прожевав, ответил он. – Не могу разглашать.

– Тайна... – Люба хмыкнула. – Я – Проводник, я знать должна. Иначе не поведу. Ни за какие деньги.

Стрельцов отпил кофе, ухмыльнулся.

– Поведёте. С тех пор, как вышла ваша статья, люди пропадать начали. И вот что странно, многие из них недвусмысленно намекали на какой-то Нижний город. Вот интересно-то, да?

Люба побледнела. Выложила пачку денег обратно на стол. Подвинула в сторону следователя.

– Это была контрольная «закупка»? – она оглядела пустое кафе. – Сейчас вы меня арестуете?

– А есть за что?

– А вам есть разница? – зло спросила она. – Я – Проводник. Человек приходит и просит отвести в Город. Вот и всё. А уж если он хочет остаться там – дело не моё.

Стрельцов не торопился отвечать. Доел омлет, рагу. Допил кофе. Промокнул губы салфеткой. Подождал, пока Люба начнёт постукивать по столу пальцем. Наконец спросил:

– Скольких человек вы провели туда?

– Шестерых. Все шли по своей воле, если хотите знать. Кстати, за что арестовывать будете? За то, что отвела в место, которого нет?

Стрельцов молчал, запихивая купюру в папку со счётом. Что-то там себе обдумывал. Затем подвинул стопку с деньгами обратно Любе:

– Заберите, пока не передумал. Я веду дело о пропаже человека. За неделю до того, как исчезнуть, он говорил о Нижнем городе.

– Тоже статью написал?

– Нет. Он ему приснился.

– О, как. Как его зовут? – Люба жевала без аппетита и смотрела куда-то в сторону.

– Сергей Ерёшкин, – следователь выложил на стол фото.

– Видели?

– Нет, – Люба глянула на фото и в глаза Стрельцову. – Врёте вы. Если вы на государство работаете, почему согласились заплатить? Что за щедрость?

– Наше ведомство, – он снова промокнул губы салфеткой и распечатал жвачку, – может себе это позволить. Так что, когда проведёте?

Люба глянула на погодное приложение в мобильнике и хмыкнула:

– Везёт вам. Сегодня первый день полнолуния. Встречаемся у пекарни, на перекрёстке Красной и Пархоменко. Там, где казачий...

Он вскинул на неё удивлённый взгляд, что-то промычал, жуя жвачку.

– Ах, да, – Люба вздохнула, – вы же город не знаете.

– Люб, давайте на ты.

– Для этого вам придётся представиться.

– Вот я дурак, – он широко улыбнулся, отодвинул папку со счётом и приосанился. – Привык к регламентам. Я – Антон. Будем знакомы.

Люба угрюмо кивнула.

– Что ж... – следователь сложил пальцы домиком, будто подводя итог душевной беседы. – Ты далеко живёшь?

– В соседнем квартале. А что?

– Я машину в прокат взял. За тобой в шесть заеду. А там до места дорогу покажешь. Учти, я тебя на заметку взял.

Сбежишь – из-под земли достану. И, кстати... Что с собой взять посоветуешь?

Люба отстранённо водила пальцем по скатерти, обрисовывая узор. Меланхолично перечислила:

– Рюкзак, воду, сухпаёк... аптечку. Но это не всё, – она глянула в глаза следователю и серьёзно добавила, – есть условия. Во-первых, слушаться меня беспрекословно. Это для местных я твой консультант, а для тех – я Проводник. Во-вторых, с собой никакого оружия. У тебя ведь есть с собой оружие?

Стрельцов улыбнулся снисходительно, будто она ляпнула какую-то чушь:

– Я – военный при исполнении. Оно всегда со мной.

– Не бери. Проблемы будут. А я проблем не люблю.

Глава 2

Люба никак не могла удержать мандраж, вертелась на пассажирском сиденье подержанного форда, как на иголках. Мало того, что этот Стрельцов вчера в кафе вцепился мёртвой хваткой, как бультерьер, так теперь ещё и на весь салон пах каким-то одеколоном или лосьоном (вот дурак, зачем?). Мужчин Люба обходила стороной чисто инстинктивно, на уровне подсознания, будто чуя скрытую угрозу, но не вникая особо в суть вопроса. Будто где-то на подкорке отложилось: «не влезай – убьёт!». Она сильно подозревала, что причина крылась за чёрной завесой прошлого, но выяснить так ничего и не смогла. А этот пёс в погонах... ладно, Антон, будто дёргал какую-то струну в груди, вызывая одновременно и интерес, и изжогу. Чёртов следовательно... Он будил странную неприязнь. Хотелось подножку ему поставить или хотя бы словом задеть. Понятно, что теперь она под колпаком, в любой момент Стрельцов может обвинить в похищении этого Ерёшкина, правда, нету тела – нету дела. Придётся сотрудничать. До поры до времени. Просто раздражала сама манера Стрельцова вести беседу, отчего-то тревожила, как предчувствие – плохое и неясное.

Поэтому её лихорадило. Ещё и из-за того, что на место ехали медленно: Антон изучал вечерний Таргул и тормозил на каждом светофоре, а им вслед сигналили и матерились.

Местные не любили приезжих. Впрочем, как и везде. Ко всему прочему само ощущение визита в Нижний город малость срывало крышу. Каждый раз. Всегда. Там всё было не так, как здесь. Другое место. Другой город. Другой мир. Люди там тоже менялись. Потому что у Города есть свои правила. И правила эти надо соблюдать.

– Слушай, Антон, – Люба сглотнула его имя с непривычки. – Ты, надеюсь, без оружия?

Он молчал, и она продолжила:

– Есть свои законы в Нижнем городе. Туда нельзя с оружием. Ещё – во всём слушайся меня. И не вздумай ничего есть на той стороне. И, не дай бог, пить. Не покупай ничего у местных. Деньги они всё равно не берут.

– Что будет за нарушение закона? – он так спокойно крутил «баранку», будто нарушал его каждый день после завтрака.

Люба вздохнула.

– Тебе не понравится. Расплачиваться придётся долго... и последнее правило. Там ты не должен врать. Соврёшь Городу – Город соврёт тебе.

У магазина с ёмким названием «Вкусный» Люба мягко положила Стрельцову руку на предплечье и тут же отдернула:

– Тормози.

Пока он парковался, повязала себе на шею красный платок – талисман, чтобы вернуться. Она вышла и кроссовки

легко спружинили. Набросила старый верный рюкзак иглянула на Стрельцова. В штатских джинсах и красной фланелевой рубашке под курткой он выглядел всего на тридцать с лишним. И вполне безобидно. Новенький рюкзак на нём вообще не смотрелся, видно было, что предмет для следака непривычный. Осенний ветер трепал свежую стрижку Стрельцова: чёрно-серые пряди, будто перец и соль. Она вспомнила, что так и не решила в какой цвет покрасить волосы, чтобы скрыть седину. Вдруг мелькнула непрошенная мысль о том, что когда-то они уже виделись. Когда?

Небеса пощадили вечер от дождя, видимо, вся норма вылилась днём. Люба и Стрельцов зашагали, минуя лужи, блестящие в свете фонарей фальшивой медью. От стоянки прошли пешком метров сто и остановились у хрущёвки, первый этаж которой был полностью занят мелкими конторками: парикмахерская, ателье, магазин садоводов-любителей. Неприлично разросшиеся липы и боярышник плотно скрывали их со стороны дороги. На углу дома сгорбленный фонарь освещал облезлую железную дверь без единой ручки.

Пыльная табличка гласила, что здесь располагается «Хутор таргульский, хуторское казачье общество». Ржавые решётки на старых деревянных окнах ясно давали понять, что никто здесь давно не появлялся. За грязными окнами, которые не мылись годами, ничего было не разглядеть.

Стрельцов нетерпеливо повернулся к Любе:

– И что? Куда дальше?

– Погоди.

Люба прищурилась от света фонаря и глянула на небо. Грязно-синие тучи разошлись, и выкатилась бледная луна. Она пялилась на них сверху, будто великанский глаз, и от этого стало неуютно.

Люба мотнула головой на дверь:

– Смотри.

Она вздёрнула руку к небу и тут же потянулась к двери, растопырив пальцы.

Над чёрным отверстием замочной скважины засиял белый шар, похожий на бильярдный. Он кружился вокруг своей оси и становился всё плотнее. Пока не застыл, превратившись в дверную ручку.

Люба с силой дёрнула её на себя и дверь скрипнула.

– Пошли.

Они вышли в тёмный переулок, сжатый стенами домов, сложенных из круглых валунов, и Люба дала Стрельцову знак остановиться.

– Погоди.

Она прислушалась. Где-то невдалеке играла странная музыка, будто кто-то чихал в чётком ритме. Где-то совсем рядом непрерывно смеялись, и вдруг ночь прорезал жуткий волчий вой. Он нёсся откуда-то издали, воскрешая в памяти готические романы об оборотнях и обжигая душу ледяным ужасом. Вой стих. Люба кивнула:

– Пронесло. Ярмарка не сегодня. Пошли.

В прорези неба, сдавленной крышами домов, катилась луна, освещая всё жёлтым. Антон, заинтригованный словами про ярмарку, окидывал цепким взглядом непривычную кладку зданий с круглыми кирпичами, мостовую, выложенную резными булыжниками, старинные фонари в кованых решётках на стенах – всё говорило о том, что они больше не в Таргуле, а в каком-то очень необычном месте.

– Я думал, это кодовое слово – «Нижний город». Жаргонное название для притона или блатхаты какой.

Люба хмыкнула.

– Значит, дверная ручка из лунного света тебя не смутила?

Они двинулись вдоль улицы. Окна домов с тяжёлыми металлическими ставнями были приоткрыты, и оттуда доносились хриплые слова колыбельной:

– Спи-спи, баю-бай,
Из лесу придёт бабай,
Сунет он тебя в мешок,
Чтобы вечно спать ты мог...

– Постой, – Антон сжал её плечо, но Люба дёрнулась. – Кто ты такая? Что это за место такое?

– Нижний город, – она посмотрела на него строго и недовольно добавила: – Я – Проводник. Если меня просят провести в Город, я не имею права отказать. Ты просил, и я тебя провела.

– Значит, я мог бы просто попросить? – Антон ухмыльнулся. – Без всяких денег?

– Моё право брать плату за работу! – отбрила Люба. – Столько, сколько посчитаю нужным. Это риск, между прочим, если ты ещё не понял.

– Что ж ты так психанула, когда я спросил про Нижний город? – он сощурился.

Люба вздохнула.

– А надоели потому что. Публикация в газете была всего раз, а клоунов у нас на век вперёд припасено. Каждый так постебаться хочет, аж из штанов выпрыгивает. Мечтает показать, какой он офигенный стендапер. Уписаться можно!

– И как ты отличаешь стендаперов от тех, кого проведёшь?

– А так. В Город не ходят, чтобы поржать. Это не парк развлечений.

– Ну, и зачем шли те шестеро, которых ты провела?

Она вздохнула:

– Сюда идут по неотложному делу. Или от безысходности. Кто тебе этот Ерёшкин?

– Пропавший.

Люба хмыкнула:

– Ну-ну, ври. Ни один следак не пойдёт в такую глухомань. Только частники. А твоя форма вся, как чешуя – от блях блестит.

Стрельцов нервно провёл ладонью по карману. Люба зна-

ла, что значит этот жест: искал сигареты. Видимо, недавно курить бросил. Он просверлил её профессиональным взглядом, будто на допросе.

– Все шестеро из «твоих» вернулись обратно?

– Нет, не все, – Люба отвела глаза. – Илона, например, осталась там. Сказала, ей нет смысла возвращаться. У неё рак в последней стадии. Сказала, не выдержит ещё одну радиотерапию.

Стрельцов покачал головой, прищурился:

– Ты ведь понимаешь, что всё это незаконно, да? Что так можно укрывать преступников от правосудия?

Люба фыркнула и сложила руки на груди:

– А я не полицейский, чтобы по глазам знать, кто преступник, а кто – нет! Хватит на меня свою работу перевешивать!

Они какое-то время стояли в переулке молча. За домами всплескивали ядовитые огни рекламы. Мимо проплыла процессия в красном с заунывными песнопениями, тяжело запахло кровью. Где-то недалеко раздался истерический плач, переходящий в смех, а потом обратно.

– Ладно, – примирительно сказал Стрельцов. – Ерёшкин – брат мой. Двоюродный. От него жена ушла. Он и подался во все тяжкие. Родители попросили башку ему на место поставить. Я приехал, а он мне про Нижний город несёт. Что, мол, приснился ему. Зовёт. Я на ночь с ним остался. А утром нет его.

– А камеры? Свидетели? – Люба слушала, склонив голову.

– Пусто, – следователь поморщился. – Как испарился. Так что... где искать будем?

Люба пожала плечами:

– Для начала в пабе у Берта.

– Веди.

За разговором они вышли из переулка на широкую улицу. Люба на мгновение вдохнула воздух Города – сладко-солёный, остро отдающий опасностью и запретным удовольствием. Она помнила, что здесь никогда не было солнца, только ночь. И луна над городом катилась жёлтым спелым яблоком, то прячась в чёрно-синие тучи, то выныривая, чтобы осветить какой-нибудь переулок. Но её света не хватало, поэтому весь Нижний был просто усеян огоньками фонарей, вывесок и разноцветной неоновой рекламы.

С высоты холма, на котором они оказались, Город раскрывался, как на ладони. Он уходил за горизонт и границы его терялись в зеленоватом тумане. Сам Город был перекручен, будто картина художника-сюрреалиста: улицы заворачивались серпантинами вокруг холмов, дома нависали над тротуаром под немыслимыми углами, площадь изгибалась бракованной неровной тарелкой. Вдалеке, в самой гуще тумана, торчали шпили готических башен с антеннами, неразборчивыми знамёнами и полосатыми ветряными носками.

Люба зашагала вдоль улицы неторопливо, потому что Стрельцов жадно глазел по сторонам. Так вёл себя каждый путник, и она уже привыкла к этому. Тем более, что здесь

было на что посмотреть. По проезжей части гремели трамваи – старые, дореволюционные, сияющие латуною; на подножках висели пассажиры, из окон гремела скрипучая музыка и демонический хохот.

Между тротуаром и проезжей частью кое-где росли причудливые деревья. Вместо листьев на ветвях висело нечто вроде густого тумана. У одних деревьев такая крона вилась синим дымком, у других розовым. Но как только Антон протянул руку, чтобы коснуться её, Люба больно ударила его руке:

– Дурак! Это Дерево фей! Хочешь застрять у них на пару столетий?

Но интереснее всего были вывески на фасадах – кованые, резные, ажурные, тканые – они кричали, манили, звали, обещали. Лавка «Туфли-вафли» и впрямь пахла вафлями, мимо «Снадобья и зелья» нельзя было не пройти, не чихнув. Готичный бутик «Всё для демонов» заставлял чуть ускорить шаг, витрина «Лучшие клинки» выглядела, как Железный трон из «Песни льда и пламени», а «Магазин времени» был весь увешан механизмами и шестерёнками, которые беспрестанно двигались.

Люба остановилась у трамвая, который наполовину утопал в стене дома. Казалось, будто когда-то он протаранил фасад и прошёл насквозь, не повредив ни кирпич, ни штукатурку. На его табло, ярко расцвеченном неоновыми трубками, мигала надпись «Паб у Альберта». Из-за тяжёлой двери

слышался визг и всплески аритмичной музыки.

Глава 3

Внутри по ушам врезал гул разговоров и звуки, одновременно похожие и на скрипку, и на виолончель. Паб казался намного больше, чем здание снаружи, даже до отказа забитый посетителями. Полутёмный зал с круглыми столиками и деревянными стульями. Слева чернел зев камина с зелёным пламенем, а над ним из стены торчала пара зелёных чешуйчатых рук, по плечи уходящая в каменную кладку. Когтистые пальцы их то отщёлкивали ритм, то хлопали в такт музыке – зрелище было настолько гротескное, что Любе пришлось подтолкнуть спутника. Хотя Стрельцову уже и самому стало любопытно, кому культяпки так аплодируют.

Справа в сиянии летающих фонариков мерцала круглая сцена, на которой тощая девица в синем балахоне наяживала на уродливой белой арфе. Дикая аритмичная музыка ввинчивалась в уши, и посетители одобрительно били ладонями в такт по столешницам. Стрельцов напрягся, узнав в инструменте человеческие кости, но Люба быстро провела его к барной стойке и сразу влезла на стул, по-свойски стаскивая рюкзак.

– Здорово, Берт!

– Привет, Любушка, – прогремело басом, и Антон порадовался, что тоже успел оседлать стул, иначе бы позорно брякнулся.

На отполированную столешницу опёрся мощный детина в чёрной рубашке и белоснежном фартуке. Его блестящую лысую голову венчали толстые бычьи рога, растущие прямо из лба. Ручищи были тёмными от множества непонятных татуировок. За спиной его сверкали бликами зеркальные полки, уставленные бутылками. А посреди них торчала вмурованная в стену человеческая голова неопределённого пола с длинными волосами: из-за закрытых глаз непонятно, живая или мёртвая.

Бармен кивнул на Антона, ухмыльнулся:

– Никак новую душу привела?

Люба поморщилась и кивнула на Стрельцова, который то-ропливо доставал мобильник из рюкзака и искал фото:

– Это Антон. Он тут человека ищет. Может, ты видел?

Альберт мельком глянул на экран и вздохнул:

– А, этот... Помню. Он тут напился, как и все. А потом рыдал, как брошенная девица.

Стрельцов нахмурился.

– Куда он потом пошёл?

Альберт ухмыльнулся, показав волчьи клыки.

– За информацию принято платить.

Люба полезла в рюкзак, а Стрельцов положил на стойку пятисотенную:

– Хватит?

– Что мне твои крашенные бумажки? – проревел бармен.

– Отдай что-то своё!

– Берт, брось свои игры, – Люба нахмурилась и высыпала на стойку горсть конфет. – Держи, твои любимые.

Альберт и Стрельцов пару секунд сверлили друг друга взглядом, а потом бармен добродушно улыбнулся и выставил два бокала с янтарной жидкостью:

– За счёт заведения. А мужик ваш в тот вечер ушёл с русалками. У них и ищите.

Люба крепко выругалась. Альберт отвернулся к другому посетителю и потерял к ним интерес. Стрельцов сгрёб купюру в карман, понюхал бокал и залпом опрокинул в рот.

И не заметил, как опьянел. Он привык, что никакой алкоголь его не берёт, и был удивлён, что какие-то полграмма коньяка замутили мысли. Думать о деле не хотелось вообще. Стрельцов смотрел на Любу и вдруг понял, что она хорошенькая. И глаза у неё цвета виски, когда смотришь сквозь бокал на свет. Ей бы похудеть. Подкраситься. И он бы прям не устоял.

– Что, правда, не устоял бы? – Люба мрачно развернулась к нему. – Я ведь предупреждала не пить местное.

– А я что... вслух это сказал?

Она вздохнула и достала из рюкзака бутылку с водой.

– На, выпей немного.

В зеленоватом свете серьги-листья женщины сбликовали и Стрельцов моргнул. Ему вдруг показалось, что он уже видел листья в её волосах. Листья в волосах...

Антон сделал пару глотков и дурман почти рассеялся. Ему

вдруг вспомнилась другая женщина, истерично кричавшая: «Это всё ради тебя! Чтобы быть с тобой!». Он сразу протрезвел и нахмурился.

– Мы с тобой точно никогда не встречались? Ощущение, будто я тебя знаю...

Люба отвела взгляд. На самом деле ей тоже так казалось. Но вспоминать не только не могла – не хотела. Потому что колыхалось в омуте памяти на самом дне что-то чёрное, гнилое. Такое, что по доброй воле доставать не станешь.

Поэтому она надела рюкзак и скомандовала:

– Пошли. Давай за мной.

На улице в свете ночных фонарей Стрельцов отметил, что она становилась всё мрачнее. Шла по улице так, что её приходилось догонять. Он спросил:

– Куда мы теперь?

– Домой. Обратно.

– Это ещё почему?

– Ты что, не слышал, что сказал Берт? – отозвалась она с раздражением. – Этот идиот попёрся к русалкам. Куда же ещё идти, кроме как к ним?

– А что не так с русалками? – Антон подтянул ремни рюкзака и на мгновение отвернулся от провожатой: мимо топа-ла колонна карликов в синих колпаках. Широкие и приземистые, они шли чётко шаг в шаг и мешки на их спинах при этом звонко побрякивали. У каждого на плече была увесистая кирка, а рыжие бороды, лежащие на животах, отливали

красным в свете фонарей.

Антон вытаращился, глядя, как карлики друг за другом заворачивают в переулочек, не обращая ни на кого внимания. Минуту он боролся с собой. А потом рванул следом. В переулочке было темно, как в аду, и тихо: ни топота, ни бряканья. Несло протухшим мясом и дёгтем. Где-то в самом конце что-то капало, эхо неприятно усиливало этот звук.

– Эй! – гаркнул он во мрак. – Я знаю, вы здесь, сволочи синеколпачные! Шас-то вам от меня не уйти!

И шагнул вперёд, нащаривая в кармане фонарик. Он успел включить его и увидеть много синих сверкающих нитей, переплетённых друг между другом. А потом закричал.

– Что не так с русал... – ругнулась Люба и вдруг остановилась. Резко развернулась. Стрельцова не было. Она медленно пошла назад, внимательно оглядывая дома и брусчатку. Дошла до переулочка, из которого несло чем-то непереваренным, и вздрогнула от крика боли – кричал мужчина. Выругалась и бросила рюкзак на землю. На мгновение закрыла глаза и принялась. Поморщившись, крепко выругалась. Нацепила налобный фонарь, достала зажигалку и баллон с лаком для волос.

– Держись! Я иду!

В переулочке луч света выхватил громадное синее кружево, свисающее между стенами домов. Оно сияло, переливалось, поэтому Люба не сразу заметила в нём Антона, спелёнуто-

го по рукам и ногам. Бледное лицо запрокинуто, глаза закатились так, что видны белки. Люба выругалась и выставила вперёд руку с лаком. Щёлкнула зажигалкой:

– Гори-гори ясно!

Пламя охватило нити, но Люба шла ближе и жала на клапан ещё и ещё. Выжигала всё вокруг Стрельцова, и паутина с шипением лопалась, таяла. Тонкий визг заложил уши. Половину диапазона человеческое ухо не воспринимало, но от этого было не легче: голову разрывало надвое. Вонь от горелых нитей лезла в нос, заставляя давиться едким дымом и кашлять.

Наконец тело Антона рухнуло на землю, и Люба, сунув баллон в карман, подхватила его подмышки и потащила под свет фонарей. Прислонила к стене дома, сунула под голову куртку. Принялась хлопать по бледным щекам.

– Очнись! Товарищ следователь!

Он слабо застонал, что-то замычал. Люба достала из рюкзака бутылку с водой и плеснула ему в лицо. Полила сверху. Стрельцов зафыркал, отплёвываясь. Заморгал, мотая головой. Попытался вскочить, но Люба толкнула его обратно. Антон разглядел её, спросил:

– Где он?

– Кто?

– Лагунец... – Антон озираясь. Потом вспомнил, что случилось, вытаращил глаза: – Что это? Что это такое было?

– Клещевик паутину разбросал. Дерьмовая штука. Стра-

хом питается. Как ощущения?

– Как кошмар... Будто я попал в зацикленный сон. Где меня Лагунец убивает. Это серийник, он женщин резал. Маньяк серийный. Я его с ребятами брал, я помню. А тут я видел... нет, чувствовал, как он меня ножом вскрыл... И мои глаза... – он прижал ладони к глазам. – Ох, ты чёрт...

– Ладно, – Люба похлопала его по плечу. – Хватит. На вот, попей... Я же тебе говорила, не пей местное, не лезь к феям... На кой чёрт ты вообще порёлся в эту подворотню?

– Ты не поверишь...

– Да ладно, – Люба ухмыльнулась, бросив демонстративный взгляд на Город. – Ты серьёзно так думаешь?

– Я карликов увидел. Таких в синих колпачках. И я их видел когда-то раньше! В детстве, – Антон нахмурился. – Мелкий совсем был. Мне тогда никто не поверил. А щас... – он смутился, – ну, вот же они, поганцы! Надо мной всё детство из-за них смеялись, а они тут идут себе так спокойно... Это слишком странное место!

Люба задумалась.

– Гномы, говоришь... Значит, Город тебя знает. Ты здесь не просто ради Ерёшкина. Есть что-то ещё. Много званных, да мало избранных.

– Что это значит?

Она фыркнула:

– Хотела бы я знать! Вставай давай. Пошли.

– А как гномы через этого борщевика... клещевика про-

шли?

– Это ж гномы, – Люба пожала плечами, – они в любом камне проход открывать умеют. У них там явно сокровищница, а клещевик сторожит. За умеренную плату.

Антон поднялся и передёрнул плечами. Помолчал, надевая рюкзак. Потом помотал головой, вспомнил:

– Мы вроде про русалок говорили. Так что не так с русалками?

Люба, вышагивала так, чтобы больше не терять его из виду. Она сердито передразнила:

– «Что не так с русалками?» Да всё с ними не так, чёрт их возьми! В их рационе, знаешь ли, человеческое мясо, а твоё в частности – их деликатес. Так что поиски твоего Ерёшкина окончены. Его кости наверняка уже на дне моря белеют.

– Моря? Здесь ещё и море есть?

– То есть остальное тебя не удивляет?

– Меня удивляет, как ты узнала об этом месте. Неотложное дело или безысходности?

Люба недобро зыркнула и вместо ответа сказала:

– А ты здесь разве за этим? Всё, экскурсия окончена. Домой поворачиваем.

Стрельцов мотнул головой, облизнулся.

– Ну уж нет, мой дорогой Проводник. Оплачено, так что работай. Пусть твои русалки расскажут, что стало с Ерёшкиным, кости там от него остались или ещё что.

Люба тоскливо вздохнула и закусила губу. Она замедли-

лась: улицы всё сужались, фонарей стало меньше, тьма вокруг сгущалась. Достала фонарик и пробормотала:

– Ты ведь нихрена не знаешь... Думаешь, просто русалку из моря выманить?

Антон шёл за ней какое-то время молча, ожидая, что она сама расскажет. Многолетний опыт подсказывал, что так обычно и бывает. Так и вышло. Люба поведала:

– Русалку лучше на живца ловить. На мужика. Надо чтоб он голышом в воду зашёл. Ну или хотя бы штаны снял. Чуют они как-то, что ли... Словом, клюют. Смекаешь?

Стрельцов так озадачился этим открытием, что не сразу услышал шум волн; оказалось, что они вышли на самую окраину города. Дома остались позади, а впереди расстилось море. Самое настоящее. Луна медленно плыла по небу цвета индиго. Её дорожка серебристым лезвием рассекала надвое круглую, как полумесяц бухту. Среди песка темнела галька и круглые валуны. Ветер приносил от воды запахи йода и соли, а ещё чего-то незнакомого, но очень притягательного.

– Кроме того, что я терпеть не могу иметь дело с русалками, – вздохнула Люба, – сегодня ещё и чёртов прилив...

Стрельцов какое-то время стоял, глядя на набегающие волны. Потом крикнул, сбросил рюкзак, куртку и кроссовки. Одним движением сдёрнул джинсы и расстегнул рубашку. Он уже зашагал к морю, но Люба преградила ему путь.

– Да стой ты! – она со смехом вцепилась в плечи Стрель-

цова, отталкивая от воды. – Стой! Что ж ты за мужик такой, лишь бы из штанов выпрыгнуть! Тоже мне, следак, как дитё, всему веришь!

Отсмеявшись, она отвернулась, чтобы не видеть, как он сердито одевается. Объяснила:

– Ну пошутила я! Гонор с тебя сбить. А то напридумывал, что я бандитов сюда вожу! А к воде не подходи, нельзя.

– Почему?

– Потому что русалки живут в Бухте забвения. Им-то ничего, а вот людей эта вода начисто меняет.

– Так ты меня тут утопить хотела? Или что? – Стрельцов вжикнул молнией на джинсах и зашипел. – Вот как ты с людьми расправляешься!

– Мало я с тебя денег взяла, – вздохнула Люба. – Хотела б избавиться – сдала бы Берту. Он любит душу наизнанку выворачивать. В прямом смысле.

– Конечно, мало, – зло хмыкнул Антон. – Ты же получишь вторую половину, когда мы вернёмся!

Она покачала головой.

– Вернёмся, говоришь? Давай-ка я тебе объясню, что это место – нифига не музей. Я думала, ты это понял, когда Берта увидел. Это Бухта забвения, смекаешь? Сюда приходят только самые отчаявшиеся, когда боль ничем не унять. Эта вода типа волшебная. Забывательная. Зайдёшь по щиколотку – смоеет самые пики воспоминаний, которые жить не дают, по живому режут. Зайдёшь дальше – вода коснётся и хорошего.

А по пояс или по грудь – мать забудешь или родного отца...

– А если целиком? С головой?

Люба вздохнула, сбрасывая рюкзак на песок.

– Это как повезёт. Может, личность начисто смыть. Будешь как с чистого листа. А можно и младенцем выйти, который не помнит, как ходить. Поэтому есть все шансы вернуться не теми, какие мы сейчас.

– Твоя шутка того стоила? – вдруг холодно спросил Антон. – Ты нарушила своё же правило. Обманула меня с этой Бухтой. Теперь Город соврёт тебе.

Люба вздрогнула и бросила на него взгляд. Похоже, он попал в точку. Расплаты за обман она боялась. А значит, месть Города, видимо, не так уж преувеличена. Тогда зачем она пошла на такой риск?

– Значит, стоила, – она попыталась улыбнуться, но вышло плохо. – Все мы платим по счетам. Рано или поздно.

– Так что делать будем? Как русалок допросить и ноги не замочить? – нетерпеливо спросил Стрельцов. – М?

Люба глянула на луну, закусила губу в раздумье.

– Песни знаешь какие-нибудь?

– Опять твои шуточки? Не надоело? Может, сплясать ещё?

– Нет, я серьёзно. Пой что-нибудь. Только от души. Они любят песни, музыку всякую. Особенно когда мужик поёт. Гарантированно вылезут.

Антон пожал плечами:

– Так я могу с телефона включить...

– Нет, – Люба покачала головой. – Голос живой должен быть. С частичкой души. А в аппарате души нет. Русалки это чувствуют.

– А потом?

– Ну, – Люба вздохнула, доставая из рюкзака флакончик ацетона, – если всё пойдёт хорошо, кто-то из них выплывет и я поспрашиваю про твоего брата.

– А если нехорошо?

– Нас затащат в море и съедят. Сначала меня, ты им нужен для продолжения рода, мужчин-то у них нет.

– Ладно, – с досадой бросил Антон, – я понял.

Он сел на камень, сгорбился. Хрипло откашлялся в кулак. Сначала слышалось невнятное мычание, но потом он поднял голову и негромко затынул:

– За горами, за синими далями,

Там, где в небе танцуют киты,

По песчаным тропинкам гуляли мы,

Но забыла, забыла всё ты...

Глава 4

Пел он действительно от души. Так, что Люба заслушалась и едва не пропустила момент, когда среди волн появилось несколько голов. Одна из них подплыла ближе и на мелководье показалась длинноволосая женщина, ползущая на локтях. Свет луны, вышедшей из-за туч, осиял её прекрасное лицо и жёлтые глаза. Наконец её заметил Антон и от неожиданности смолк.

Русалка досадливо поморщилась, увидев Любу. С неохотой отвернулась от Стрельцова.

– О, Любочка! – протянула она красивым контральто. – Вернулась, значит. Давно ты здесь не появлялась! Опять искупаться пришла?

Стрельцов с интересом глянул на проводницу:

– Так ты в воду заходила...

– О, да! – русалка расхохоталась. – Нырнула с головой! Ты бы видел, шла прямо в море, как мёртвая! А сейчас ещё и обратно припёрлась!

Стрельцов нахмурился. От плохого предчувствия свело желудок. Негромко пробормотал:

– Что такое с тобой случилось, что ты решила стереть...

Люба холодно оборвала:

– Не твоё дело. Мы пришли сюда за твоим братом, Ерёшкин, правильно? Марина, – она повернулась к русалке, – ты

с подружками увела его из паба Берта. Помнишь? Что с ним стало?

– А что мне за это будет? – низко протянула Марина.

Вынырнув по пояс, она по-змеиному подползла к Анто-ну. Стрельцов на мгновение залип, разглядывая белую грудь идеальной формы.

– Не знала, что у Сержа есть брат, – запела она. – *Такой-брат.*

– Покажи ей фотку, – резко одёрнула её Люба.

Стрельцов, сглотнув, отлип и протянул русалке фото:

– Ты его видела? Он жив?

Русалка мазнула взглядом по фото и уставилась на Анто-на. Губы её растянулись в призывной улыбке.

– Видела. Зачем он тебе, если тут есть я? Меня Марина зовут, а тебя?

В следующее мгновение Стрельцов схватил её за горло так, что она могла только шипеть и изворачиваться, вцепившись когтями в его руку. Вытащил её на песок подальше от воды и дал под дых так, что она малость обмякла, перестала царапаться. Море за ней взбурлило, сёстры за её спиной зашипели, забили хвостами, показывая острые зубы.

– Мне этот цирк надоел, – жёстко пояснил Антон. – Где мой брат?

– У нас-с... в море...

– Скажи сёстрам, пусть его сюда тащат. Быстро!

Марина что-то заклёкала, заухала своим. В конце с нажи-

мом добавила:

– Сергей...

Головы в воде беззвучно канули в море. Русалка повернулась и зло прошипела:

– Вы оба поплатитесь за это. Город вас обоих пожрёт и переварит...

Антон снова ухватил её за горло и она захрипела, вцепившись в его руку. Перепончатые пальцы с когтями драли рукав кожаной куртки с лютой ненавистью. Глаза Марины жутковато светились во тьме белым. Наконец в море показались головы русалок. Они подплыли ближе и в свете луны стало видно, что они тащат с собой тело. Оно безвольно лежало на их руках, голова моталась. Русалки вынесли его на берег и отплыли подальше, настороженно наблюдая.

Антон оттолкнул Марину, достал фонарик и склонился над телом. Синий луч света полз по мокрым волосам, впалым щекам и худым рёбрам. Глаза были белыми, тусклыми, рот растянут в безумной улыбке.

– Не мучился. Счастливым ушёл, – тихо сказала Люба, поглядывая на русалок. Те медленно отступали в море. Последней на локтях уползала Марина. Краем глаза Люба отметила, что она шлёпнула по воде хвостом и плавно ушла под воду. Ацетон не пригодился.

Антон вытащил мобильник и начал фотографировать труп со всех ракурсов.

– А ты не сильно расстроен, да? – Люба поглядывала на

него изучающе, запихивая флакон обратно в рюкзак. – Брат всё-таки...

– Работа прежде всего, – невозмутимо ответил Стрельцов. Он зачем-то открыл рот покойного, сфоткал внутри, полез к ушам. – Да и помочь ему я уже ничем не могу.

Наконец он закончил и отошёл от тела. Море шумело. Волны становились всё ближе, подбираясь к нему и Любе. Минуту назад труп лежал на песке, а сейчас вода уже окатывала его босые ноги.

Люба выдохнула с таким облегчением, что Стрельцов только сейчас понял, как напряжена она была – как сжатая пружина. Её плечи поникли, будто мышцы расслабились только теперь. Она вздохнула, поднимая рюкзак:

– Я не думала, что придётся идти в Бухту. А сегодня ещё и прилив, – Люба горько усмехнулась. – Может, дождевик надо было взять...

– Зачем? – Антон напрягся. Вернулось ощущение непоправимой беды. – Ты же уже здесь купалась? И всё забыла...

Она тяжело вздохнула.

– Не зря говорят, что нельзя в одну воду зайти дважды. Так вот, когда заходишь в Бухту второй раз, всё возвращается. До капли. И я бы не стала возвращать то, от чего стоило отказываться.

Антон помолчал.

– Теперь ясно, почему ты так упорно отказывалась. Это ж смертельный риск. Я бы всё забыл. Ты бы всё вспомнила.

И всё, остались бы тут до самой смерти. А ты помнишь, что было после того, как ты вышла из моря?

Люба уставилась на него, задумалась. А Стрельцов вдруг услышал от воды какой-то шум, плеск. Он обернулся, но было поздно: Марина подползла слишком близко. Он схватил Любу за руку и в тот же момент русалка цапнула её за ногу и резко дёрнула на себя. Любина ладонь выскользнула из его пальцев и Марина поволокла Проводника по песку.

– Пусти! – кричала Люба, отпинаваясь. – Мне нельзя в воду!

Антон на мгновение растерялся. А потом выхватил из кобуры «макарова», с характерным щелчком снял с предохранителя и направил на русалку:

– Отпусти её! Пусти или сдохнешь!

Марина зашипела, но не остановилась. Она оскалилась и быстро поволокла Любу в море.

А потом всё произошло слишком быстро. Стрельцов, понимая, что не успевает, прицелился и нажал на спусковой крючок. Русалка изогнулась, издав скрежещущий вопль, утробно взвыла. Грохнул второй выстрел, которым Марину отбросило назад в море. А потом на берег стремительно набежала волна и окатила Любу так, что скрыла с головой. Это была катастрофа.

Стрельцов сунул оружие в кобуру, оттащил Любу подальше. Усадил, оперев спиной о здоровенный булыжник, совсем, как она его, когда спасла от клещевика.

– Люба, – он отбросил с её лица мокрые волосы, стёр песок. – Люба, ты как?

Она растерянно моргала, глядя на него, будто не понимала, где она и кто он такой.

– Люба, ты помнишь меня? Я – Антон, Стрельцов Антон...

И тут в её глазах появилось осмысленное выражение. Понимание. Глаза расширились.

– Люба, – торопливо говорил Антон, – это ничего, что вода. Ты ведь Проводник, ты вспомнишь.

Она его не слушала. Шарила в заднем кармане джинсов и почему-то дрожала. А потом вдруг со звериным рычанием бросилась на него и повалила на песок.

– Подонок! – зашипела она, и Стрельцов почувствовал холод лезвия у горла. Нож пока давил плашмя, но чувствовалось, что ракурс зависит только от силы воли Любы. – Я вспомнила!

Из глаз её на его лицо закапали слёзы, и Антон наконец вспомнил. Тоже вспомнил.

Л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.